

DOI: 10.18572/0134-2398-2022-8-33-56

Современное значение понятия «степень вины» при привлечении к ответственности директоров в корпоративном праве России

В данной статье прослеживается зарождение и использование гражданско-правового понятия «степень вины» со времени Российской империи, в Советском союзе и позднее. Автор аргументирует важность дальнейшего, более широкого употребления вместо «недобросовестности» или «неразумности» детальных градаций вины как более свойственных отечественной правовой традиции, а также помимо их значения в определении величины морального и совместного вреда и в других сферах, где ставится вопрос о размере возмещения, даже если в российских законах ответственность здесь установлена как безвиновная. В публикации делается вывод о том, что правовая категория «недобросовестность», отличная от вины, может являться основанием несения ответственности в корпоративном праве России, как это же предусмотрено в ряде случаев в ГК РФ (недобросовестное ведение переговоров, обман с целью склонения к сделке). «Неразумность», полагает автор, не должна служить поводом для санкций и к управляющему, ставящим его в зону ненормального и неправового риска. Он считает, что достижением цивилистической теории досоветского времени была рекомендация определять размер ответственности сопричинителям гражданско-правовых убытков, но не имущественного вреда сообразно степени вины каждого, а не первоначально только солидарно и далее в равных долях. Это правовое решение необходимо возродить и использовать. Тем самым можно будет постепенно избавиться от такого аномального явления, как присуждение к гигантским суммам убытков, с задействованием средств уголовного преследования и без таковых не главных, а второстепенных причинителей, когда соучастие в нанесении убытков было зависимым и подчиненным.

Ключевые слова: вина, умысел, неосторожность, солидарная ответственность, управляющий, контролирующее лицо.

Введение

Динамика регулирования ответственности руководителей в Российской Федерации напоминала колебание маятника. Сначала на директоров как работников распространялись гарантии Трудового кодекса Российской Федерации. Перед судом требовалось доказывать их отрицательное воздействие, причинную связь, величину убытков и пр. на состояние компании.

Отметим, что обесценивание такого имущества, как акции, вне связи с убытками общества не составляет правового эффекта вреда и сегодня¹. Однако базируется это установление не на расчетах и ожиданиях косвенных от имени обществ вместо прямых от акционеров исков к корпорации ради рыночной устойчивости, иначе она может быть разорена, а на более общем нормативном решении.

Снижение рыночной стоимости объекта не указано среди видов ущерба в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ, Кодекс) (ст. 15). С нашей точки зрения, это следствие юридико-технического недосмотра при многократном переносе формулировок из ст. 36 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31.05.1991 № 2211-1) без их надлежащего анализа. Согласно ст. 15 ГК РФ «под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, *утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб)* (здесь и далее курсив наш. — Ю.М.), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода)» (п. 2). В Модельных правилах европейского частного права (Draft Common Frame of Reference (DCFR)) (ст. III.-3:701(3))², а также в Принципах европейского деликтного права (Principles of European Tort Law (PETL)) (ст. 10:203(1))³ снижение стоимости считается ущербом⁴.

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 305-ЭС16-10038 по делу № А40-51672/2015 (дело о банкротстве АКБ «БТА-Казань»); Постановление Пятнадцатого ААС от 8 декабря 2009 г. № 15АП-7360/2009 по делу № А32-6262/2009; Постановления Семнадцатого ААС от 13 мая 2009 г. № 17АП-7795/2008-ГК по делу № А60-14002/2008; от 20 декабря 2007 г. № 17АП-8520/2007-ГК по делу № А60-12145/2007 (отказано во взыскании убытков в виде снижения стоимости акций с членом органов) // СПС «КонсультантПлюс».

² Модельные правила европейского частного права / пер. с англ.; науч. ред. Н.Ю. Рассказова. М.: Статут, 2013. С. 253.

³ URL: <http://www.egtl.org/docs/PETLRussian.pdf>

⁴ См., напр.: Монастырский Ю.Э. Возмещение убытков в гражданском праве России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. С. 16.

I. Предпосылки ответственности

В новейшей редакции Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»⁵ (далее — Федеральный закон «Об акционерных обществах»), в частности, предусматриваются имущественные санкции в отношении руководителей, которые действуют недобросовестно и неразумно (ст. 71).

Согласно новым нормам претензия к главе компании легко реализуема, и для такого лица появился явный риск понести ответственность за необдуманные действия при руководстве обществом. После предъявления требований к управляющему вполне возможен произвол, тем более что Верховный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 24 марта 2016 г. № 7 установил презумпцию каузальной связи при убытках, в других случаях возмещения вреда⁶.

Источником неопределенности и двусмысленности служит главным образом ст. 53.1 ГК РФ «Ответственность лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица»⁷. Удивляет совмещение в рамках п. 1 рассматриваемой статьи двух резко не совпадающих по своей сути норм. В абз. 1 указанного пункта речь идет об ответственности лица, уполномоченного выступать от имени общества, в виде возмещения убытков, «причиненных по его вине» компании. А следующий абзац того же пункта закрепляет наступление санкций только в случае успешного доказывания

⁵ Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об акционерных обществах» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Пункт 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Введена Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 99 «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». См.: СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

проявленной им недобросовестности или неразумности. В судебной практике широко распространено толкование, состоящее в том, что целью законодателя было уточнить предыдущую норму и детализировать критерий вины⁸, наличествующий, когда управляющий проявляет недобросовестность или неразумность. Противовесом подобной расширившейся оценке поведения, имеющего свойство в общем случае всегда предполагаемой виновности, выступает презумпция добросовестности и разумности (п. 5 ст. 10 ГК РФ). Впрочем, вышеописанная трактовка рассматриваемых положений представляется очень далекой от лучших образцов юридической техники.

Понятия «вина» и «недобросовестность» нельзя отождествлять: у каждой из этих категорий уже давно есть свое устоявшееся содержание и роль. Невинность, согласно отсылочной норме п. 3 ст. 307.1 ГК РФ, доказывается в соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 401 Кодекса, гласящего: «Лицо признается невиновным, если при той *степени* заботливости и осмотрительности, какая от него *требовалась* по характеру оборота и условиям обязательства, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства». Это определение, достаточно точное и детальное, включает термин «степень», указывающий на объективированные стандарты поведения и субъективный компонент, выражающийся в условиях обязательства. Для общего смысла важно и последующее слово «требовалась». О перспективной новой роли категории «степень вины» касательно ответственности руководителя мы поговорим далее.

Понятие «добросовестность» шире, чем «осмотрительность» или «заботливость». Вина выступает базовым условием

⁸ Постановления Арбитражного суда Московского округа от 19 февраля 2021 г. № Ф05-575/2021 по делу № А40-109525/2019; от 3 декабря 2020 г. № Ф05-20464/2020 по делу № А40-303022/2019; от 19 ноября 2020 г. № Ф05-16511/2020 по делу № А41-100619/2019; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 13 октября 2020 г. № Ф01-13621/2020 по делу № А11-12485/2019; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23 июля 2018 г. № Ф07-8194/2018 по делу № А56-72904/2017; Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 26 июля 2019 г. № 07АП-6078/2019 по делу № А45-14208/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

ответственности, в то время как дефицит доброй совести «заведомый», т.е. очевидный, прямой, демонстрационный, явный, ведет к отказу в защите права и влечет ответственность. В ГК РФ появились составы, когда обычная, а не заведомая добросовестность дает иск об убытках, это нечестное ведение переговоров, склонение к сделке с применением обмана и т.д. (п. 4 ст. 179, п. 3 ст. 434.1 ГК РФ).

В ГК РФ не хватает правового положения, но его смысл можно вывести толкованием о том, что при ординарной недобросовестности суд, арбитраж вправе, но не обязан лишать лицо гражданско-правовой защиты.

По мнению российского правоведа, профессора И.А. Покровского (1868–1920), злоупотребление правом может быть не умышленным, а просто виновным⁹, но нынешний законодатель сузил это понятие до только несомненной отъявленной (заведомой) недобросовестности. Значит, вообще «недобросовестность» может не быть неосторожной или виновной. «Виновность» и «недобросовестность» — различные правовые концепты. При этом недостаток добросовестности устанавливается в зависимости от соблюдения этических стандартов, таких как честность, открытость, и не может всякий раз служить основанием для поражения в правах автоматически, но только через судебное усмотрение. Фрэнсис Бэкон, идеи которого наряду с другими теоретиками права вдохновляли создателя Свода законов Российской империи, князя М.М. Сперанского, говорил, что человеку свойственно чувство эгоизма¹⁰. Поэтому продавец на рынке недвижимости не обязан в правовом смысле ради реализации своих имущественных целей афишировать, что она ранее выступала предметом спора, который, возможно,

⁹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. 8-е изд. М. : Статут, 2020. С. 117.

¹⁰ См., напр.: Бэкон Ф. Опыты или наставления нравственные и политические // Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1972. Т. 2. С. 359. («Нет никого, кто делал бы зло ради него самого, но все творят его ради выгоды, или удовольствия, или чести, или тому подобного; почему же я должен сердиться на человека за то, что он любит себя больше, чем меня?»)

продлится и после сделки, что какие-то ее недостатки могут проявлять себя из-за возраста постройки, и т.д. Не акцентируя это, лицо не ведет себя добросовестно, но и не поступает предосудительно, т.е. неправомерно.

Недобросовестное поведение руководящего лица подпадает под понятие противоправности только при наличии элемента вины¹¹. Исключение составляют случаи, указанные в законе. Тем не менее противоправность не является необходимым условием для использования средств правового воздействия¹². В российской правоприменительной практике ее необходимо доказывать (она подлежит установлению судом). В этой оригинальной методологической установке проявляется своеобразие нашей судебной системы, которое находит отклик в теории вопреки *jura novit curia*.

Исходя из критикуемой нами трактовки ст. 71 Федерального закона «Об акционерных обществах», руководители компаний компенсируют убытки вследствие виновности, проявляющейся в недобросовестности и неразумности их поведения. Прежде всего, эта норма расходится с соответствующим положением ГК РФ: в абз. 2 п. 1 ст. 53.1 Кодекса речь идет об ответственности управляющих за недобросовестность или неразумность. Здесь имеет место двусмысленность законодательства, ведь «нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать настоящему Кодексу» (абз. 2 п. 2 ст. 3 ГК РФ). Из него вытекает, что директора отвечают хотя бы за неразумность и могут подпасть под санкции только за недобросовестность.

Итак, с учетом того что условием гражданско-правовой ответственности могут быть вина, недобросовестность, неразумность, ст. 53.1 ГК РФ следует трактовать следующим образом:

¹¹ Такая установка преобладала и в советском праве. См., напр.: Матвеев Г.К. Вина в советском гражданском праве / отв. ред. К.П. Николаев. Киев, 1955 ; Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. М. : Госюриздат, 1950.

¹² См. подр.: Монастырский Ю.Э. Противоправность как основание присуждения убытков // Закон. 2017. № 11. С. 124–133.

руководители несут виновную ответственность за убытки компаний и безвиновную ответственность в иной форме, чем уплата убытков, в том случае, если они действовали недобросовестно либо неразумно. Иная, помимо возмещения убытков, ответственность включает такие принудительные меры, как возложение договорной или законной неустойки, несение вынужденных расходов (отсылочное применение п. 1 ст. 723 ГК РФ об ответственности) и пр. Она наступает по прямому смыслу формулировок п. 1 ст. 53.1 ГК РФ в результате установленной неразумности руководителя безотносительно к тому, был ли он виновен, производя те или иные операции от имени общества.

Концепт «разумность», имеющий довольно нечеткие границы, определяют, используя слова «правильный», «целесообразный», «трезвый», «рациональный», «сознательный», «основательный», «осмысленный», «рассудительный», «продуманный», «логичный», «уместный», «толковый», «здравый», «резонный», «умный», «смышленный», «благоразумный»¹³. Большинство из них относится к личным и деловым качествам руководителя, его индивидуальным способностям. Они оцениваются при его избрании и назначении на должность, и, не проявляя их, он не будет переизбран или утратит доверие акционеров (участников общества)¹⁴.

С нашей точки зрения, на управляющего нельзя возлагать ответственность, если последствия его неразумного поведения сильно удалены во времени от его действий и на них большое влияние оказало стихийное развитие рынка, ведь в противном случае возникла бы настоящая аномалия и противоположность правосудию. Впрочем, другие основания ответственности могут быть закреплены в договоре с руководителем

¹³ Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. 1-е изд. СПб.: Норинт, 1998.

¹⁴ См., напр.: Информационное письмо Банка России от 25 декабря 2019 г. № ИН-06-14/99 «О Рекомендациях исполнительным органам финансовых организаций» // СПС «КонсультантПлюс».

как профессионалом в сфере экономики, который может нести бремя убытков и без вины (ст. 401 ГК РФ).

Свою позицию в вопросе о неосторожности как подлинного основания ответственности управляющих заняли и многие авторитетные цивилисты¹⁵, и Верховный Суд Российской Федерации (далее — Верховный Суд РФ), причем последний не в результате толкования «с чистого листа», а в ходе пересмотра оспариваемых решений нижестоящих судов¹⁶. Представляется, что цель заключается в следующем: устанавливая вину как условие требований к руководителю (помимо недобросовестности, неразумности), российский нормотворец сформировал компромисс между континентальной и англосаксонской теориями ответственности. В 2014 г. международные организации, продвигающие англосаксонские правовые институты, еще могли воздействовать на законодательный процесс, лоббируя подобные доктринальные и правоприменительные решения¹⁷. Тогда виновная ответственность устанавливалась только за неисполнение обязательств и за деликт при нанесении имущественного вреда¹⁸. Вместе с тем неисполнение корпоративной обязанности само по себе изначально не влекло ответственность, основанную на начале вины (п. 3 ст. 53 ГК РФ). Но положение было исправлено, когда в 2015 г. в ГК РФ была включена отсылочная норма о субсидиарном применении

¹⁵ Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве : монография. М., 2019. С. 174 ; Маковская А.А. Основание и размер ответственности руководителей акционерного общества за причиненные обществу убытки // Убытки и практика их возмещения : сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. М. : Статут, 2006. С. 352 ; Шиткина И.С. Ответственность в корпоративных правоотношениях // Хозяйство и право. 2015. № 6. С. 32.

¹⁶ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2020 г. № 56-КГ20-2. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-06042020-n-56-kg20-2/> ; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17 сентября 2019 г. № 305-ЭС19-8975 по делу № А40-5992/2018. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rf-ot-17092019-n-305-es19-8975-po-delu-n-a40-59922018/>

¹⁷ Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М. : Статут, 2014. С. 1-3.

¹⁸ Статьи 401 и 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

общих положений об обязательствах ко всем корпоративным отношениям (п. 3 ст. 307.1).

Виновная ответственность традиционна для российской доктрины как продукта континентальной правовой мысли, восходящей корнями к греческой философии, с ее особым суждением о личности, ее ценностной природе и автономии воли.

Концепция ответственности, основанная на вине, включает как необходимый элемент общеправовую фикцию знания закона, его смысла и цели, равно как и содержания договоров, прав и обязанностей, являющегося также следствием действия закона. В основе же англосаксонского понятия ответственности лежит отсутствие старательности и содействия контрагенту. При этом суды не руководствуются писаными нормами, а занимаются правотворчеством. В то же время в европейской континентальной правовой системе закон, как высший общественный договор или акт суверена, обязателен в равной мере для всех, включая судей.

II. Эволюция концепта вины в российском законодательстве

Вина, как условие ответственности, а не как итоговая характеристика действий делинквента, была закреплена в нашем законодательстве сравнительно недавно, в 1961 г.¹⁹ В Соборном уложении царя Алексея Михайловича 1649 г. виновный подвергался штрафу, имущественному или личному наказанию²⁰. В Своде законов Российской империи 1835–1917 гг. вина в виде неосторожности присутствовала как критерий противоправного поведения, влекущего за собой имущественные последствия.

¹⁹ Закон СССР от 8 декабря 1961 г. «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1961. № 50. Ст. 525.

²⁰ Хрестоматия по истории государства и права России : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / под ред. Ю.П. Титова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2008. С. 85–87.

Это касалось только преступлений — просто «недозволенные действия», «влекущие вознаграждение за вред и убытки», не оценивались с точки зрения вины. Исключение составляли и освобождали от ответственности обстоятельства, «которые причинитель не мог предотвратить» (ст. 684 т. X, ч. 1 Свода законов Российской империи)²¹. Впрочем, Правительствующий Сенат расширительно толковал это основание ответственности, распространив его на все случаи ущерба и убытков.

Проект Гражданского уложения Российской империи (далее — Проект), который так и не воплотился в жизнь из-за Первой мировой войны, устанавливал, что потерпевший вправе требовать полной компенсации вреда, полученного посредством недозволенного деяния (а не каких-либо не зависящих от его контрагента обстоятельств или действий третьих лиц), причем последнее должно быть умышленным или неосторожным, т.е. виновным (ст. 2601)²². Согласно ст. 1650 Проекта, если причиной неисполнения обязательств стало событие, «которого он, должник, не мог ни предвидеть, ни предотвратить при той осмотрительности, какая требовалась от него по исполнению обязательства (случайное событие)», то он признается невиновным²³. Вышеупомянутую норму с некоторым позитивным перефразом унаследовал ГК РФ (абз. 2 п. 1 ст. 401).

²¹ URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/75.html#img76> ; Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов : в 5 кн. / сост. И.М. Тютрюмов. М. : Статут, 2004. Кн. 2. С. 478 и сл. Так, ст. 683 т. X, ч. 1 Свода законов Российской империи гласила: «Потерпевшие вред или убыток вследствие смерти или повреждения в здоровье получают вознаграждение от владельцев железнодорожных и пароходных предприятий на основании следующих правил: 1) Владельцы железнодорожных и пароходных предприятий (казна, общества и частные лица) обязаны вознаграждать каждого потерпевшего за вред или убыток вследствие смерти или повреждения в здоровье, причиненных при эксплуатации железных дорог и пароходных сообщений. Вознаграждение назначается на основании статей 657–662 и 675, с соблюдением правил, в следующих пунктах изложенных». См.: URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/74.html> ; см. также: Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. С. 438 ; и сл.

²² Гражданское уложение: Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии : в 2 т. / под ред. И.М. Тютрюмова ; сост. А.Л. Саатчиан. СПб., 1910. Т. 2. С. 1238.

²³ Там же. С. 242.

После революции 1917 г. наступил НЭП, который ознаменовало принятие в 1922 г. Гражданского кодекса РСФСР (далее — ГК РСФСР). Он включал положение о возмещении убытков, но только не носивших «непредотвратимый характер»²⁴. Позиция об отсутствии важности вины подкрепляется ст. 118 ГК РСФСР 1922 г., согласно которой должник «освобождается от ответственности за неисполнение, если докажет, что невозможность исполнения обусловлена обстоятельством, которого он не мог предотвратить, либо создалась вследствие умысла или неосторожности кредитора». Впрочем, понятие вины отражено в п. 2 ст. 119 Кодекса: «Во всяком случае, невозможность исполнения не освобождает должника от ответственности: <...> 2) если лица, на коих в силу закона или поручения должника возложено выполнение обязательства, умышленно или по неосторожности вызвали или не предотвратили обстоятельство, сделавшее исполнение невозможным». А в соответствии со ст. 403 ГК РСФСР 1922 г. «причинивший вред личности или имуществу другого обязан возместить причиненный вред. Он освобождается от этой обязанности, если докажет, что он не мог предотвратить вреда, либо что был управомочен на причинение вреда, либо что вред возник вследствие умысла или грубой неосторожности самого потерпевшего». Ряд цивилистов на основании этого сделали вывод о начале вины в первом российском Гражданском кодексе, другие, напротив, утверждали о фиксации в нем лишь принципа причинения ущерба независимо от критерия вины.

В 1961 г. были изданы Основы гражданского законодательства, согласно которым «лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет имущественную ответственность... лишь при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, предусмотрен-

²⁴ Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» (вместе с «Гражданским кодексом РСФСР») // СПС «Консультант-Плюс».

ных законом или договором. <...>» (ч. 1 ст. 37). Часть 2 ст. 88 Основ гласит: «Причинивший вред освобождается от его возмещения, если докажет, что вред причинен не по его вине».

В соответствии с Основами гражданского законодательства 1991 г., «если наступление... последствий... зависит от виновности нарушителя, предполагается... его виновность...» (п. 4 ст. 6)²⁵. Статья 71 Основ формулирует понятие ответственности следующим образом: «Должник отвечает... при наличии вины...» (п. 1); «Законодательством или договором могут быть предусмотрены иные основания ответственности или освобождения от нее» (абз. 2 п. 2).

III. Значение степени вины

Согласно устоявшейся правовой традиции, в основе имущественной ответственности лежит вина. Исключение составляют такие сферы, как предпринимательские отношения и опасная деятельность; например, этот критерий не учитывается в случае вреда, проистекающего из недостатков товара, работы или услуги. Тем не менее в доктрине недостаточно отражено центральное значение степени вины для установления точной и стимулирующей меры ответственности управляющих, чьи совместные решения и действия привели к возникновению отрицательных имущественных последствий.

В противоположность уголовному праву, где для соучастия необходим проявленный умысел²⁶, деликт в гражданском праве обычно вызывается посредством взаимосвязанных, но индивидуальных проявлений неосторожности каждого должника,

²⁵ Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31.05.1991 № 2211-1) // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 26. Ст. 733.

²⁶ См., напр.: Пункт 2.1 Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 11 апреля 2019 г. № 862-О «По запросу Тракторозаводского районного суда города Челябинска о проверке конституционности части второй статьи 35 и части второй статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-11042019-n-862-o-po/>

причем их объединяет не сговор, как правило, предшествующий преступлению, а совпадающий имущественный объект или субъективное право кредитора. Более того, те, кто несет солидарную ответственность, могут не знать друг друга, как, скажем, продавцы стройматериалов, вызывающих раковые заболевания, одного производителя, не сообщающие о рисках и опасных свойствах изделий. Тем не менее с цивилистической точки зрения все они сопричинители.

Почему так различаются уголовная и гражданско-правовая формы защиты? Дело в их функциях. В первом случае это реагирование на общественно опасное деяние пропорционально его серьезности. Здесь обязательный признак субъективной стороны преступления — вина, причем ее интенсивность может варьироваться, а сама она имеет не только три формы, но и различные, более детальные градации. Гражданско-правовая защита нацелена в первую очередь на восстановление имущественного положения²⁷, вне зависимости от взаимоотношений совместных причинителей, которые впоследствии вправе предъявить иски друг другу. Итак, в законе закреплена следующая алгоритм в области деликтов: взыскание потерь с солидарно ответственных; возникновение последующих регрессных исков ответчика, полностью оплатившего ущерб, именно после удовлетворения первоначального требования, а не раньше. Размер ответственности делинквента по регрессному против него требованию зависит от его степени вины (ст. 1080, 1081 ГК РФ). Использование данной конструкции в отношении управляющих на основании норм о причинении вреда ошибочно и, более того, искажает цели такого правового средства защиты, как возмещение убытков.

К ущербу имущества акционерного общества может быть причастен не один руководитель, но и члены совета

²⁷ Хабиров А.И. Средства, способы и формы гражданско-правовой защиты прав сторон по договору займа: теоретический аспект // Вестник гражданского процесса. 2018. № 6. С. 249.

директоров, заместители, главы подразделений (обобщенно их именуют группой лиц или контролирующими субъектами). Их ответственность в уголовном и гражданском регулировании обусловлена целью скорейшего и наиболее эффективного исправления финансового состояния компаний и удовлетворения их кредиторов.

По букве закона такие иски могут предъявляться к субъектам, представляющим компанию и определяющим ее действия. Но на практике суды налагают ответственность на индивидуумов, пропускающих путем бездействия соответствующие решения²⁸, причем не только при банкротстве, но и в массе дел по косвенным искам, когда общество по заявлению акционеров истребует убытки с соучастников²⁹.

Согласно ст. 1080 ГК РФ «лица, совместно причинившие вред, отвечают перед потерпевшим солидарно». При этом суд может устанавливать ответственность «в долях» и в зависимости от «степени вины» делинквентов. Подобный гибкий подход применяется только в случае заявления потерпевшего либо, если такового не поступило, и, как упоминалось, при полном возмещении заявителем регрессного требования всего совместно причиненного ущерба.

Следствием указанного метода стало вынесение массы судебных вердиктов³⁰, которые очень трудно исполнить, поскольку в них колоссальные денежные требования предъявляются лицам, не возглавляющим общества, например, заместителям руководителей компаний, их сотрудникам, хотя они действовали по инструкции и распоряжению главных управляющих.

²⁸ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 30 сентября 2020 г. № Ф08-7846/2020 по делу № А53-6904/2017 ; Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 26 августа 2020 г. № 10АП-5146/2020, 10АП-5679/2020 по делу № А41-713/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 октября 2014 г. № 310-ЭС14-2896 по делу № А14-9260/2013 ; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23 октября 2019 г. № Ф07-12610/2019 по делу № А66-191/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰ Варакин М. Статистика Суддепа: главное о банкротстве и экономических спорах // pravo.ru. 2019. 24 октября.

При уголовных разбирательствах таких лиц порой приговаривают к лишению свободы, тогда как их начальники успевают уехать за рубеж. Впрочем, они часто теряют свои личные активы даже без решения суда, будучи после эмиграции не в состоянии доказать происхождение своих финансовых средств³¹.

В Постановлении от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее — Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 53) Пленум Верховного Суда РФ рекомендовал трактовать понятие «совместное причинение» именно таким расширительным образом, даже если действия по доведению до банкротства не только не связаны между собой, но и относились к разным периодам контроля над должником. Согласно данному документу «при невозможности определения размера причиненного вреда исходя из конкретных операций, совершенных под влиянием того или иного лица, размер доли, приходящейся на каждое контролирующее лицо, может быть определен пропорционально периодам осуществления ими фактического контроля над должником» (абз. 3 п. 22).

В этих положениях Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 53 совокупное нанесение ущерба не сопряжено с нарушением конкретного субъективного права общества и единым характером вредоносного действия, что является новым словом в отечественном правоприменении. Даже если предположить, что руководители последовательно обесценивали субъективное право акционера или кредитора, возникает вопрос: для чего определять доли их ответственности и, если это невозможно, констатировать их субсидиарное равенство (п. 2 ст. 1081 ГК РФ), если результаты действий управляющих можно оценить и без этого? Объяснение о том, что тем самым устраняется возможность неосновательного обогащения

³¹ См., напр.: Navigator Equities Ltd. & Anor. v. Deripaska, [2020] EWHC 1798 (Comm.). URL: <https://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Comm/2020/1798.html>

взыскателя по разным делам от разрозненных ответчиков, представляется несерьезным.

Реагируя на развитие экономической сферы, суды меняли свой подход, подчас кардинально. В результате контролирующие лица отвечали за убытки компании дифференцированно, в зависимости от их функций³². Стоит задаться вопросом: насколько такая практика соответствует Конституции Российской Федерации, представляя собой несанкционированное судебное правотворчество, когда применение норм закона идет вразрез с их смыслом для большей гибкости и своеобразно понимаемой справедливости?

Косвенный иск о возмещении неполученного дохода зачастую не укладывается в рамки такого средства правовой защиты, как ликвидация вреда имуществу. Последнее не включает неполученную прибыль общества до того, как образуется вытекающая из планов, ожиданий доходность будущих прав требования. Согласованное поведение руководителей приводит к утрате выгоды, ни в коей мере не затрагивая активы организации. Это высвечивает проблему нестыкуемости главы 59 ГК РФ с определением отрицательных имущественных последствий для управляющих, если они виновно причинили убытки. В то же время в соответствии с п. 3 ст. 67.3 Кодекса участники дочернего общества вправе требовать компенсации его убытков основным обществом, если они причинены действиями или бездействием последнего, согласно ст. 1064 ГК РФ. Почему законодатель не использовал аналогичный подход в окончательной формулировке более общей ст. 53.1 ГК РФ? По нашему мнению, это произошло вследствие компромисса концептуальных правовых позиций (отсюда же вытекают и остальные неувязки в данной статье). При действии таким образом размываются границы фундаментальных правовых институтов, подрывается незыбле-

³² Пункт 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве». URL: <https://www.vsrfr.ru/files/26272/>

мость правовых установок. Неприемлемые и ненужные в законодательном процессе и при реализации правовых принципов компромиссы и уступки пригодны, на наш взгляд, только для решения разовых практических вопросов, выработки пунктов мировых соглашений и т.п.

Итак, в отечественном правопорядке содержатся три конструкции ответственности: 1) базовая, когда каждый отвечает сам за себя; 2) в доле, тем более если предмет обязанности делим; и 3) солидарная, когда, например, должники вместе занимаются предпринимательством или нанесли истцу ущерб. Согласно Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2004 г. № 3-П³³ отношения акционеров нельзя отнести к предпринимательским. Последние две конфигурации ответственности неэффективны, если говорить о требованиях к управляющим, так как до полной выплаты убытков, понесенных истцом, базовое понятие «степень вины» нельзя применять к конкретным лицам, занимающим руководящие должности.

Может показаться, что чем больше солидарных лиц, связанных выплатой полной суммы убытков, укажет суд, тем лучше для кредитора, но на самом деле это не так³⁴. Если ущерб возмещается каждым ответчиком соразмерно его вине, то у него есть стимул сотрудничать с кредитором. В противном случае делинквент, допустивший легкую неосторожность, может понести расходы, связанные с чрезмерным требованием к нему, хотя последнее возникло скорее из-за поведения основного должника. Пропорцию между вредом и накладываемыми

³³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2004 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона „Об акционерных обществах“, регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании „Кадет Истеблишмент“ и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // СПС «КонсультантПлюс».

³⁴ Это доказывает недавняя статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ, согласно которой только 6,8% требований кредиторов в 2020 г. было удовлетворено за счет конкурсной массы и лишь 142 процедуры конкурсного производства привели к полному удовлетворению всех требований кредиторов. См.: Варакин М. Указ. соч.

санкциями лучше выводить не из характера того ущерба, к которому причастны этот конкретный руководитель или основное общество, а из степени его вины в том числе и потому, что предмет соответствующего требования является составным. В отличие от некоторых обязательств, в денежных средствах, которые следует уплатить, части выделяемы.

Концепт «степень вины» недостаточно разработан в отечественной доктрине и судебной практике. Известный российский ученый-правовед профессор Г.Ф. Шершеневич³⁵ утверждал, что восстановительная функция гражданского права в противоположность репрессивному назначению права уголовного не приводит к дифференциации *сiupra* как условия определения санкций. В Своде законов Российской империи 1835–1917 гг. термина «степень вины» тоже не было. Это понятие появилось лишь в проекте Гражданского уложения Российской империи. Так, в ст. 1655 данного документа шла речь о том, что не исполняющий договорные обязательства умышленно или по грубой неосторожности несет ответственность и за более отдаленные или непредвидимые потери, а также за моральный вред, причиненный кредитору³⁶.

Статья 2612 Проекта ввела в законодательство понятие «совокупные должники», т.е. те, кто наносил ущерб совместно. Согласно проектируемой норме ответчик, уплативший вознаграждение, имеет право требования к другим участникам. При этом различия в ответственности оставались на усмотрение суда. В комментарии, изданном в 1910 г., указывалось, что при вынесении решения правоприменителю следует руководствоваться *степенью вины*³⁷, причем правила о регрессных требованиях распространялись на «совокупных должников по договорам, уплативших долг».

³⁵ Шершеневич Г.Ф. Избранное : в 5 т. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2017. Т. 5. С. 581.

³⁶ Гражданское уложение: Проект Высочайше учрежденной редакционной комиссии. Т. 2. С. 249.

³⁷ Там же. С. 1265.

Говорилось применительно к исполнению в натуре, что потерпевший «имеет вообще право требовать с каждого из содолжников возмещение причитающейся с него части долга, а если доли не установлены, то с каждого поровну»³⁸. Однако вот что важно — это правило было «неприменимо к должникам по обязательствам, возникающим из недозволенных деяний, ввиду нераздельности таких деяний и могущего быть значительного различия в степени виновности каждого из соучастников». В таких ситуациях суду рекомендовалось устанавливать величину ответственности, исходя из степени вины, меры участия («совет, приказание, самое совершение, пособничество и т.п.») и «имущественного положения» каждого из соучастников³⁹. Это первое упоминание степени вины в комментариях к отечественным законам.

Кроме того, согласно Проекту, «если потерпевший сам отчасти виновен, по своей неосторожности, в причинении ему вреда, то суд может уменьшить размер вознаграждения» (ст. 2613)⁴⁰. Выражение «отчасти виновен» также позволяет говорить о градации вины. То есть она может иметь различное содержание, больше или меньше проявляться вовне. Отправной точкой здесь должна быть неосторожность истца, поскольку его умысел вообще исключает присуждение убытков делинквенту. Комментаторы отождествляют подобное поведение с изъявлением согласия с нанесением себе вреда⁴¹. Согласно ГК РФ вина кредитора существует в трех формах: содействии увеличению убытков, непринятии разумных мер к их уменьшению и виновности в противоправных действиях как таковой (ст. 404).

Концепт «степень вины», впервые появившись в проекте Гражданского уложения Российской империи и пройдя определенный путь развития, получил закрепление кроме

³⁸ Там же. С. 1264.

³⁹ Там же. С. 1265–1266.

⁴⁰ Там же. С. 1265.

⁴¹ Там же. С. 1266–1267.

называемого далее специального законодательства в Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. Согласно этому нормативно-правовому акту ответственность за неисполнение обязательства обуславливалась степенью вины должника и кредитора. Основы устанавливали следующее правило: «Если грубая неосторожность самого потерпевшего содействовала возникновению или увеличению вреда, то в зависимости от степени вины потерпевшего (а при вине причинителя вреда — и в зависимости от степени его вины) размер возмещения... должен быть уменьшен либо в возмещении вреда должно быть отказано» (ч. 1 ст. 93). Понятие «степень вины» вошло также в Кодексы торгового мореплавания СССР 1929 г. (ст. 158)⁴² и 1968 г. (ст. 255)⁴³; данный критерий применялся для определения ответственности при столкновении судов, в котором были виноваты все участники. Воздушные кодексы СССР 1961 г. (ст. 68)⁴⁴ и 1983 г. (ст. 65)⁴⁵ также включали указанную категорию. В Основах гражданского законодательства 1991 г. понятие «степень вины» называлось в ст. 132 «Учет вины потерпевшего и имущественного положения лица, причинившего вред». Здесь небольшая вина сама по себе позволяла неполное возмещение, как и степень вины кредитора.

В ГК РФ степень вины прямо указывается в нормах о совместном причинении ущерба, возмещении морального вреда. В правоведении содержание вышеупомянутого понятия должно было измениться после появления таких форм вины, как легкая и грубая неосторожность и умысел, включая более детальную градацию незаботливости и неосмотрительности.

⁴² Глава VIII Кодекса торгового мореплавания Союза ССР (утв. Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 14.06.1929) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴³ Указ Президиума ВС СССР от 17 сентября 1968 г. № 3095-VII «Об утверждении Кодекса торгового мореплавания Союза ССР» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁴ Воздушный кодекс Союза ССР (утв. Указом Президиума ВС СССР от 26.12.1961) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁵ Указ Президиума ВС СССР от 11 мая 1983 г. № 9275-X «Об утверждении Воздушного кодекса Союза ССР» (в ред. от 02.10.1987) // СПС «КонсультантПлюс».

Легкая небрежность, являясь одной из форм вины, иногда не влечет за собой ответственность при безвозмездном хранении (ст. 901 ГК РФ), перевозке (ст. 796 ГК РФ), за ухудшение неосновательно приобретенного имущества, возникшее до того, как приобретатель узнал или должен был узнать о неосновательности обогащения (п. 2 ст. 1104 ГК РФ), при ссуде, если вред причинен неоговоренными недостатками вещи, переданной в безвозмездное пользование (ст. 693 ГК РФ), и т.д. В законе особо оговорены случаи, когда форма вины выступает условием ответственности. По нашему мнению, устоявшийся тезис о том, что в предпринимательских отношениях и при опасной деятельности вина не должна играть роли, нуждается в пересмотре.

Согласно правилу, отраженному во многих международных документах⁴⁶ и национальных законодательствах⁴⁷, грубая неосторожность ответчика служит основанием для взыскания и непредвиденных убытков. Тем не менее при толковании указанных норм нужно опираться на степень предвидимости или непредвидимости ущерба. О ней можно говорить, отталкиваясь от степени вины кредитора, который вправе и обязан сообщать о возможном ущербе ответчику и подвигать его к осторожности, заботливости. Из текста ГК РФ следует, что пренебрегший этими действиями кредитор проявляет вину.

Ввиду универсальности фактора неосторожности пострадавшего вина предпринимателя-должника учитывается при вычислении размера присуждения как противовес вине кредитора. Следовательно, суду нужно принимать во внимание поведение и истца, и ответчика. Это подтверждает норма п. 5 ст. 393 ГК РФ, согласно которой «размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности

⁴⁶ См., напр.: Статья 9:503 Принципов европейского договорного права (Principles of European Contract Law (PECL)). URL: https://www.trans-lex.org/400200/_/pecl/

⁴⁷ См., напр.: Статья 1231-3 Французского гражданского кодекса (внесенная по итогам реформы гражданского права 2016 г.). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006070721/>

ответственности допущенному нарушению обязательства». Таким образом, общий алгоритм вычисления убытков применяется в два этапа: на первом они должны быть определены с разумной степенью достоверности. На этой ступени можно не принимать во внимание поведенческие характеристики неисполнения и учитывать лишь объем утрат, в частности, необходимые, действительные и будущие расходы, реальный ущерб, выгоду, которую получил бы кредитор, если бы его право не было нарушено. Не сумев установить убытки в любой из указанных форм, суд переходит ко второй ступени. На ней важно оценить соразмерность нарушения вознаграждению, исходя из субъективного отклонения от стандарта поведения, т.е. из *степени вины*.

Корпоративные правонарушения совершаются несколькими лицами, функции которых связаны с управлением обществом. Их вина состоит в подготовке и формировании вредоносных решений. Именно поэтому ее степень — главный фактор при установлении и осуществлении института ответственности руководителей акционерных обществ. Реализуя разрешенные и оптимальные подходы в соответствующих делах, судебная система преследует цель защиты интересов кредиторов⁴⁸, заключающуюся в восстановлении субъективных прав путем возмещения убытков, дифференциации объема ответственности в зависимости от статуса, деятельности контролирующих и управляющих лиц, соблюдении равновесия между опасностью ухудшения экономического положения компании и допустимостью свободы принятия таких решений, которые допускают риск в разумных пределах с целью доставления выгоды обществу. Впрочем, бесосновательные иски к руководителям, столь

⁴⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2019 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности статьи 15, пункта 1 статьи 200 и статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, абзаца второго пункта 1 статьи 9, пункта 1 статьи 10 и пункта 3 статьи 59 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“ в связи с жалобой гражданина В.А. Нужина». URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-05032019-n-14-p-po/>

частые на практике, создают эффект шантажа и угроз, даже если ответчики ведут дела компетентно.

Несправедливо распространять солидарную ответственность на лиц, которые действуют от имени общества без доверенности, и на тех, кто действует как подчиненный и не имеет доступа к сведениям, позволяющим судить о последствиях его поведения. В конечном счете и те, и другие присуждаются к выплате громадных сумм, и получается, что ответственность несоразмерна характеру правонарушения. Таким образом, понятие солидарной ответственности управляющих в его нынешнем виде представляется непродуманным. Спасти положение могло бы более широкое использование правовой концепции «степень вины».

*Монастырский Юрий Эдуардович,
профессор кафедры гражданского права и процесса
Юридического института
Севастопольского государственного университета,
доктор юридических наук
monastyrsky@mzs.ru*

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / главный редактор С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург : Норинт, 1998. 1534 с.
2. Бэкон Ф. Опыт или наставления нравственные и политические // Бэкон Ф. Сочинения. В 2 томах. Т. 2 ; составление, общее редактирование и вступительная статья А.Л. Субботина ; примечание И.С. Нарского. Москва : Мысль, 1972. 582 с.
3. Вараксин М. Статистика Суддепа: главное о банкротстве и экономических спорах / М. Вараксин // Pravo.ru. 2019. 24 октября.
4. Гражданское уложение: Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии. В 2 томах. Т. 2 / под редакцией И.М. Тютрюмова ; составитель А.Л. Саатчиан. Санкт-Петербург : Законоведение, 1910. 1362 с.
5. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве : монография / О.В. Гутников. Москва : ИЗиСП: КОНТРАКТ, 2019. 488 с.